

«ОТЕЧЕСТВО, РАБОТА И ЛЮБОВЬ»

ДОЖДЬ стекал по ветвям цветущих деревьев, воздух был «сырой, тревожный», а у горизонта уже проступал треугольник светло-зеленой воды, желтоватой на отмелях. Сердце билось радостно, взгляд неудержимо рвался на встречу родному Севастополю, родному дому на улице Щербака, 20.

Дом деда — там жилось легко и просто. Там пахло летом, лесом, мастерской. Там спорили: что строить на Морской!! Острее в доме не было вопросов. И были будни, где работы святость, и дружбы, и забот житейский круг...

Все пережитое, выстраданное и обретенное этой землей, ее людьми придет в стихи. Малахов курган, героический бастион двух оборон, «белый ли-

кующий город», в который вложен труд тысяч и тысяч советских людей, их светлая любовь к своей земле. Именно здесь сформируется понимание предназначения человека, ее поэтическая заповедь:

Отечество, работа и любовь — вот для чего и надобно родиться.

Ни в одной из своих поэтических книг, ни одной строкой не изменит Римма Федоровна Казакова этой заповеди.

Всю жизнь создает она единственную книгу — книгу своей судьбы. Интересна она окружающим тем, что находят они в ней отзвуки своей судьбы, что сердце автора бьется в унисон с пульсом времени.

Биография человека может уместиться и на одной страничке. Учеба в Ленинграде, работа на Дальнем Востоке, в Москве. Поэтические сборники, первый из которых — «Встре-

тимся на Востоке» вышел в Хабаровском книжном издательстве в 1958 году. Но судьба человека куда сложнее. Она — в каждом его поступке, в конкретных его делах. Счастлив поэт, стихи которого стали поступками, судьбой.

После встречи Р. Ф. Казаковой с севастопольскими рыбаками в их прекрасном Дворце культуры никто не торопился уходить. Окружили поэтессу плотным кольцом, и разговор, начатый со сцены, разговор о стихах и жизни, продолжался:

Судьба, ставшая стихами, стихи, ставшие судьбой.

— Что, девушка, поэтостать решила? — спросил когда-то Римму Казакову немолодой, бывалый литератор.

— Да, вот пишу стихи, — ответила она.

— Не знаю... Уж лучше бы

другую профессию выбрали. Стали бы, что ли, летчиком, моряком...

— Почему?

— Да потому, что даже это более подходящий для женщины труд...

Россия-мать! По-свойски строги, размытым трактом семеня, мы все клянем твои дороги, кого-то третьего вина.

Но, выйдя к деревеньке ближней, проселочную грязь гребя, вдруг понимаем: третий — лишний!

И все берем мы на себя... Согласитесь, такие стихи — тоже поступок. И рука, выводившая строки, — уверенная, сильная рука человека, умеющего трудиться. Казакова уехала на Дальний Восток, где было «надо все еще построить». Работала наравне со всеми. Вот почему имеет право сказать:

Во мне Россия, будто я — Россия, И я в России — как она сама.

В самых сокровенных строках склоняясь перед своими соотечественниками, Римма Казакова не пишет о боях, которых не видела, а говорит о сегодняшнем дне, которого бы просто не было, не встань русские люди «в тот горький год неблизкий».

Они прикрыли жизнь собою — жизнь начинавшие едва, чтоб было небо голубое, была зеленая трава.

Севастопольские матери, потерявшие сыновей, и дети защитников города, рабочие севастопольских предприятий и студенты, рыбаки, побывавшие за тридевять земель — все, кто присутствовал на встречах с поэтессой, воспринимали ее стихи сердцем. Многие были узнаваемо, глубоко лично.

Расставаясь с родным городом, крымской землей до новой встречи, Римма Федоровна увозила с собой новые стихи, строки, поэтические образы, которые станут ростками будущих книг.

Постоите, скажут читатели, поэтесса назвала «три кита», на которых держится ее поэзия. Но любовью к земле, своему народу, седым камням прошлого, к жизни дышит каждая из приведенных выше строк. А если вы хотите прочесть о той, которую ждешь всю жизнь, лучше сами откройте книгу Риммы Казаковой «Набело» или, например, «Там, где ты» или «Страна Любевь». Или возьмите стихотворение, написанное поэтессой холодным весенним днем 1984 года в Севастополе, когда дождевые капли стекали по веткам цветущих деревьев...

Н. ТРОИЦКАЯ.
Фото С. ГОРБАЧЕВА.